

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА ТВЕРДОХЛЕБ

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкоznания и методики преподавания русского языка филологического факультета, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Российская Федерация)
ogtwrd@gmail.com

РИФМОВКА ЛИЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ (ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ РИФМОВКИ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И МОДЕЛИ ПОСЛОВИЦ)

Описаны и проанализированы русские пословицы, включающие в свой состав личные имена собственные. Указано, что появление таких имен, называющих лиц мужского и женского пола, обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Описаны модели, показывающие преднамеренное включение имени собственного в аналогичные по синтаксическому строению группы русских пословиц, где выбор личного имени случайно обусловлен словом, с которым оно рифмуется. Выявлены и описаны модели таких пословиц с рифмующимися онимами. Показано, что частотной является модель с притяжательным или определительным местоимениями *наш*, *всяк* (*всякий*), *каждый*. Утверждается, что отсутствием тесной связи с единичным конкретным объектом, признанной многими исследователями для имени собственного как основной, объясняется их достаточно формальное использование в русских пословицах. Материал данной статьи будет интересен специалистам в области ономастики, паремиологии и исследования рифмы.

Ключевые слова: ономастика, пословицы, рифма, имена собственные

В науке неоднократно поднимался вопрос о рифмовке в русских пословицах. Возникнув в очень отдаленные времена человечества, в «доистории русского фольклора» [3: 30], русские пословицы являются единицами устного народного творчества и хранителями истории и культуры народа, а как устойчивые выражения относятся к языковому уровню. Известный специалист по народному стихосложению М. П. Штокмар замечал, что, «очевидно, пословицы были первыми из народнопоэтических жанров, где зародилась рифмовка» [16: 163]. Е. А. Ляцкий в XIX веке в своих замечаниях к вопросу о пословицах и поговорках писал: «Рифма, созвучие окончаний, представляет чрезвычайно важную принадлежность пословиц, в ней выражается вместе с тем степень музыкальной чуткости народа, его безотчетное стремление к полноте и красоте звука. Рифма придает окончательную форму пословице, вершит здание, делает пословицу (конечно, относительно) неподвижной и вместе с тем легко западающей в память»¹.

Целый ряд работ (О. П. Альдингер [1], [2], Т. И. Востриковой [4], Т. Н. Кондратьевой [6] и др.) посвящен изучению имени собственного в составе русских пословиц, но они в большей степени связаны с историко-культурологическим анализом. Так, О. П. Альдингер приводит статистические данные о выявленных ею в словаре «Пословицы русского народа» В. И. Даля 812 антропонимах [2: 14], о наиболее распространенных антропонимах: «Иван (76 употреблений), Фома (50), Макар (31), Еремей (20)» [1: 4].

Материалом нашего исследования также стали русские пословицы (около 300 примеров)

с личными именами собственными, выбранные из книги «Русские пословицы и поговорки» [11] (включает пословицы из сборников XVIII–XX веков) и из знаменитого сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа»², напр.: *Иван* (личн. имя собств.) был в Орде, а *Марья* (личн. имя собств.) вести сказывает [11: 117], в том числе и называющие отчество: *Один* у *Мирона* сын, да и тот *Миронович* (личн. имя собств., отчество) [11: 241]. Появление этих имен существительных в структуре пословиц действительно обусловлено экстралингвистическими (общерусскими) факторами: удобопроизносимостью имени, его широкой распространностью, известностью и популярностью в русской языковой культуре, а также симпатией-анттипацией народа к этому имени. Очевидно, что такие имена собственные могут называть: лиц мужского пола: *По бедному Захару* (муж. пола) всякая щепа бьёт [11: 254] и лиц женского пола: *Не твое дело, Федосья* (жен. пола), *собирать чужие колосья* [11: 226]. Личные имена собственные очень частотны в структуре пословиц и представлены во всех падежных формах: именительного падежа: *Варвара* (имен. п.) мне тетка, а правда – сестра. [11: 41], что вполне объяснимо значением именительного падежа в русском языке как падежа действующего субъекта, так как одушевленные имена, обозначающие людей, при предикатах занимают верхнюю ступень в иерархии глубинных падежей [13: 76]; родительного: *У Сидора* (род. п.) обычай, у *Павла* (род. п.) другой [11: 309]; дательного: *Добро к Фоме* (дат. п.) пришло, да промеж рук ушло [11: 80]; винительного: *Фоку* (вин. п.) да *Якова* (вин. п.) и *сорока знает* [11: 315];

творительного: *Если бы не был молодцом, Акулькой* (твор. п.) бы звали [11: 92]; предложного: *Ведают о Ерёме* (предл. п.) в большой хором³.

Однако кроме экстралингвистических факторов есть и собственно лингвистические причины использования имен собственных в русской пословице, в частности для преднамеренной рифмовки. Рифма в пословицах «преимущественно простая, точная и парная, охватывающая со- звучием обычно большое количество звуков» в наиболее существенных словах – главным образом в существительных и глаголах [5: 105]. О рифмовке имен собственных в русских пословицах писал В. И. Даль в своем «Напутном слове». Разграничивая у пословицы «внутреннюю и внешнюю одежду» и понимая под последней «грамматику и просодию»⁴, он относил личные имена «ко внешней одежде пословиц», так как они «большею частию взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры: таковы, например, пословицы, в коих поминаются: Мартын и алтын, Иван и болван, Григорий и горе, Петрак и батрак, Мокей и лакей и пр.»⁵. С. Г. Лазутин указывает, что антропонимы включаются в пословицу в прямой зависимости от того, «с каким словом это имя должно рифмоваться» [7: 145]. Однако определенные аспекты рифмовки антропонимов все же изучены недостаточно, в частности нигде не описано синтаксическое строение пословиц с рифмующимися онимами, наглядно показывающее преднамеренность такой рифмовки. Этим обусловлена актуальность данной работы, продолжающей наше исследование рифмовки пословиц, начатое в [14], [15]. В этой статье мы обратимся к грамматическому анализу рифмовки онимов в русских пословицах, подробно опишем модели, включающие в свой состав личные собственные имена, выбор которых обусловлен словом, с которым оно рифмуется.

О преднамеренном включении имени собственного свидетельствуют по крайней мере две группы пословиц:

- 1) с попарно подобранными рифмующимися именами;
 - 2) с аналогичным синтаксическим строением. Опишем несколько подробнее обе группы.
1. Наш материал показывает, что в пределах одной пословицы (в ряду однородных членов или в частях сложного предложения) могут быть попарно подобраны, намеренно, каждое «под свою рифму»:
- а) сразу два личных имени собственных, ср.: *Варлам* (личн. имя собств.) ломит *пополам*, *а Денис* (личн. имя собств.) со *всяким делись!* [11: 42]. Еще примеры: *Федул* всех *надул*, *а Денис* на суку *повис* [11: 314]; *Ефрем* любит *хрен*, *а Федька – редьку* [11: 93]; *Горе, горе*, что муж *Григорий*: хоть бы *болван*, да *Иван* [11: 67]; *Ипат* наделал *лопат*, *а Федос* продаёт *понес* [11: 120]; *Тезоименита лопата*

Ипату, а Вавиле – могила [11: 299]; *Барашки у Малашки, а две сумы у Фомы* [11: 16]; *Били Фому про куму, а Троицку про кошку* [11: 21];

- б) три имени собственных: *Ванька, встань-ка. Сёмка, пойдем-ка; да ступай и ты, Исаи!* [11: 41]. Ср. также пословицу, состоящую только из слов, попарно рифмующихся между собой: *Сашки – канашки; Машки – букашки; Маринушки – разинюшки*⁶;
- в) и даже пять имен собственных, представленных, напр., в таком перечне: *Вавило, красное рыло. Иван болван. Андрей ротозей. Федул губы надул. Пахом вся рожа в один ком*⁷.

2. Преднамеренное включение имени собственного особенно видно в аналогичных по синтаксическому строению группах пословиц, где выбор личного имени собственного случайно обусловлен словом, с которым оно рифмуется, когда имя собственное как бы подстраивается под рифму. Ср. рифмы в пословицах, имеющих однотипную синтаксическую структуру:

- в модели: «Наш + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным» рифмы *Андрей – злодей, Антон – (о) том* и др., ср.: *Наш Андрей* (личн. имя собств.) *никому не злодей. Наш Антон* (личн. имя собств.) *не тужит о том*: мать умирает, а он со смеху *помирает* [11: 204]. Это очень частотная модель, приведем еще примеры: *Наш Афоня в одном балахоне и в пир, и в мир, и в подоконье. Наш Мишка не берет лишка* [11: 204]; *Наш Пахом с Москвой знаком. Наш Сергунько не брезгуно – ест пряники и неписаные. Наш Тарас не хуже вас. Наш Фаддей ни на себя, ни на людей. Наш Филат всегда виноват. Наш Филат не бывает виноват* [11: 205]. Ср. варианты:
 - «Нашего (нашему) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Нашего Мины не проймешь и в три дубины. Нашего Обросима невесть куда забросило. Нашему Ивану нигде нет талану: к обедне пришел – обедня прошла, к обеду пришел – отобедали* [11: 205];
 - «У нашего (нашей) + личное имя собственное, + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *У нашего Гришки нет отрыжки. У нашего Андрюшки нет ни полушики. У нашего Тита за пьянство спина бита. У нашего Филата спина горбата. У нашей Пелагеи все новые затеи. У нашей Федосьи из глаз растут волосы* [11: 308];
- в модели: «(Не) Всяк + личное имя собственное, про себя (себе) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Всяк Демид себе норовит. Всяк Еремей про себя разумей*: когда сеять, когда жать, когда в скирды метать [11: 54]; *Не всяк Наум* (личн. имя собств.) *наставит на ум. Не всяк Тарас подпевать гогразд* [11: 211]. Отметим варианты модели:

- «Всякий (Всякая) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Всякий Демид* (личн. имя собств.) *себе норовит. Всякий Филат на свой лад. Всякий Яков про себя всякой. Всякая Ховря знай свою ровню* [11: 55];
- «(Не) Всякому + по + имя собственное + (...)», напр.: *Всякому по Якову* [11: 55];
- «У всякого + личное имя собственное, своя (свои) + слово, рифмующееся с именем собственным»: У всякого *Павла своя правда. У всякого Гришки (Ершики) свои делишки. У всякого Федотки свои отговорки* [11: 306];
- в модели: «Каждый (Каждая) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Каждая Алёнка хвалит свою бурёнку* [11: 122]; *Каждый Еремей про себя разумей. Каждый Никитка хлопочет о своих пожитках* [11: 123];
- в модели: «Каков + личное имя собственное, таков + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Каков Мартын, таков у него и алтын* [11: 128]. Ср. также варианты этой модели: «Каков (какова) + (на) имя собственное, такова (таково, такова) + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Каков Ананья, такова у него и Маланья. Каков Дема, таково у него и дома* [11: 128]; *Каков Пахом, такова и шапка на нем. Каков Савва, такова ему и слава. Какова Аксинья, такова и ботвинья* [11: 129]; *Каково на Фому, таково и самому* [11: 130];
- в модели: «У + личное имя собственное + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *У Акульки хороши бакульки* [11: 305]; *У Ивашки белая рубашка. У Ипата к пирогам борода с лопату* [11: 307]; *У Николы две школы: аз, буки учат да кануны твердят* [11: 308]; *У Парашики что глаза у барашки* [11: 309]; *У Фили были, у Фили нили, да Филю ж и побили (били)* [11: 310];
- в модели: «Худ + личное имя собственное, + когда + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», ср.: *Худ Матвей когда не умеет потчевать гостей. Худ Роман, когда пуст карман* [11: 211].

В пословицах описанных групп может рифмоваться сразу пара личных имен собственных типа *Ананья – Маланья*, ср. модель: «Каков + имя собственное, такова (...) + слово, рифмующееся с именем собственным»: *Каков Ананья, такова у него и Маланья* [11: 128].

Наибольшая частотность пословиц, построенных по моделям «Наш + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», «Всяк + личное имя собственное, про себя (себе) + слово, рифмующееся с именем собственным», «Каждый (Каждая) + личное имя собственное + (...) + слово, рифмующееся с именем собственным», а также их вариантам, мы объясняем наличием в их структуре притяжательного или определительного местоимений

наши, всяк (всякий), каждый. Такие «универсальные» местоимения употребляются «в утверждениях, касающихся всех объектов некоторого класса» [9: 134], при этом в высказываниях, начинающихся словами типа «каждый человек» и т. п., «лицо» выступает как «собирательная национально-языковая личность» [8: 167]. Приблизительно с таким значением используются в пословицах описанные нами онимы, употребление которых Ф. И. Буслаев считает видом синекдохи, так как «живее и нагляднее употребить название лица вместо человека вообще»⁸. И следовательно, характеризуются они не только общепризнанной «семантической редукцией» [10: 13] или отсутствием «связи с понятием» [12: 32], но и отсутствием «тесной связи с единичным конкретным объектом» [12: 32], признанной многими исследователями для имени собственного как основной.

Именно такой возникающей семантической опустошенностью анализируемых нами онимов, видимо, и объясняется их достаточно формальное использование в русских пословицах. О семантической опустошенности имени собственного свидетельствует также возможность трансформации пословицы с заменой онима типа: *Всяк (Семён) Аксён про себя умён* [11: 54] или с его устраниением типа: *Наши никому не злодей или Всяк про себя умён*, что в принципе наблюдается в пословицах с субстантивированными местоимениями со значением лица, ср. примеры с местоимением *наши* (во мн. ч., имен. п.): *Наши в поле не робеют. Наши дерутся, так волосы в руках остаются. Наши плачут, да и ваши не скачут* [11: 206]; с местоимениями *всяк, всякий* (в ед. ч., имен. п. или дат. п.): *Всяк своё хвалит. Всяк своим умом живёт. Всякий спляшет, да не как скоморох. Всякий сам на себя хлеб добывает* [11: 54]; *Всякому своё дитя жалко. Всякому своё счастье* [11: 56] и с местоимением *каждый* (в ед. ч., имен. п. или дат. п.): *Каждый кружится по-своему: один кругом, другой через голову. Каждому добрый – себе злой. Каждому своя болезнь (ноша) тяжела* [11: 54].

Таким образом, в русских пословицах достаточно частотны личные имена собственные, появление которых обусловлено экстралингвистическими и лингвистическими факторами. По собственно лингвистическим причинам имена собственные используются в русских пословицах для преднамеренной рифмовки, что особенно наглядно проявляется в пословицах с попарно подборанными рифмующимися именами или с аналогичным синтаксическим строением. Наибольшая частотность анализируемых пословиц с онимами, рифмующимися с апеллятивами, обусловлена наличием в их структуре притяжательного или определительного местоимений *наши, всяк (всякий), каждый*. Отсутствием тесной связи с единственным конкретным объектом, признанной многими исследователями для имени собственного как основной, объясняется достаточно формальное использование онимов в русских пословицах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ляцкий Е. А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. АН. 1897. 1–2, Т. 2. Кн. 3. СПб., 1897. С. 745–782. С. 776.
- ² Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословицъ, поговорокъ, речений, присловий, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поверий и пр. Т. И. М.: Изд-ние книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. 685 с. Т. П. М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. 638 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eknigi.org/raznoe/28428-poslovicy-russkogo-naroda.html> (дата обращения 15.05.2016).
- ³ Там же. Т. 2. С. 459.
- ⁴ Там же. Т. 1. С. XLVI.
- ⁵ Там же. Т. 1. С. LI.
- ⁶ Там же. Т. 1. С. 382.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 255.
- ⁸ Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные Ф. Буслаевым. М.: Тип. А. Семена, 1854. 176 с. С. 59.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альдингер О. П. Имя собственное в составе «Пословиц русского народа» В. И. Даля: статистический аспект // Седьмые Поливановские чтения. Смоленск: СГПУ, 2005. Ч. III. С. 3–11.
2. Альдингер О. П. Фразеомастическая картина мира в «Пословицах русского народа В. И. Даля»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 24 с.
3. Андреев Н. П. Проблема истории фольклора // Советская этнография. 1934. № 3. С. 28–45.
4. Вострикова Т. И. Антропонимы в «Пословицах русского народа» В. И. Даля: к возможности лексикографического описания // Актуальные проблемы современной лексикографии. Словарная работа в школе и вузе: Материалы Все-рос. науч. конф., Астрахань, 24–26 сент. 1998 г. / Науч. ред. А. Н. Тихонов. Астрахань: Астраханский пед. ун-т, 1999. С. 115–119.
5. Глухих В. М. О благозвучии пословиц и поговорок // Русская речь. 1997. № 2. С. 103–106.
6. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в месяцесловах, пословицах, поговорках, загадках, заговорах и сказках русского народа / Науч. ред. М. О. Новак. Казань, 2004. 340 с.
7. Лазутин С. Г. Ритм, метрика и рифма пословицы // Поэтика русского фольклора. М.: Высш. шк., 1989. С. 136–147.
8. Овчинникова И. Г. Ассоциативные структуры и текст // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкоznания. Вып. 4: Семантика и коммуникация / Под ред. Л. В. Сахарного. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 163–177.
9. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Эдиториал УРСС, 2002. 232 с.
10. Рейфоматский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М.: Наука, 1964. С. 9–34.
11. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
12. Супранская А. В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. В. Супранская. М.: Наука, 1978. С. 5–33.
13. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
14. Твердохлеб О. Г. Третья лабиализация звука [’э] в [’о] в древнерусском языке: к вопросу о рифмовке русских пословиц // Аванесовские чтения: Междунар. науч. конф.: Тез. докл. / Под общ. ред. М. Л. Ремневой и М. В. Шульги. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 258–260.
15. Твердохлеб О. Г. Утрата конечного сонорного -л- вследствие падения редуцированных и рифмовка русских пословиц // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа / Отв. ред. Н. В. Патроева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 106–108.
16. Штокмар М. П. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок, прибауток // Звезда Востока. 1965. № 11. С. 149–163.

Tverdokhleb O. G., Orenburg State Teacher Training University (Orenburg, Russian Federation)

PERSONAL PROPER NAMES' RHYME SCHEMES IN RUSSIAN PROVERBS (PREMEDITATED RHYMES, GRAMMATICAL FEATURES AND PATTERNS OF PROVERBS)

The article describes and analyzes a set of Russian proverbs that contain personal names. The appearance of such words, which name people of different genders in Russian proverbs, is conditioned by a set of extra-linguistic and linguistic factors. Models with a deliberate inclusion of proper names into similar by syntactic structure groups of Russian proverbs are described. The choice of a personal name, rather accidental by nature, is determined by the word it rhymes with. Models, which include rhyming with proverbs containing animali, are described and analyzed. It is shown that the most frequently met models are the ones that incorporate possessive or attributive pronouns: our, everyone, everybody. It is argued that the lack of close connection between a proper name of the proverb with a single distinct object, recognized by many researchers, explains their rather formal usage in Russian proverbs. The article may present a particular interest to the specialists in the field of onomastics, paremiology, and research rhymes.

Key words: onomastics, Proverbs, rhymes, proper names

REFERENCES

1. Al'dinger O. P. A Proper Name in the “Proverbs of the Russian nation” V. I. Dal: statistical aspect [Imya sobstvennoe v sostave “Poslovits russkogo naroda” V. I. Dalja: statisticheskiy aspekt]. Sed'mye Polivanovskie chteniya. Smolensk, SGPU Publ., 2005. Part III. P. 3–11.

2. Al'dinger O. P. *Frazeonomasticheskaya kartina mira v "Poslovitsakh russkogo naroda V. I. Dalya"*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Phrase like picture of the world in the "Proverbs of the Russian people by V. I. Dal": Author's abst. PhD. philol. sci. diss.]. Smolensk, 2006. 24 p.
3. Andreev N. P. The problem of the history of folklore [Problema istorii fol'klora]. *Sovetskaya etnografiya*. 1934. № 3. P. 28–45.
4. Vostrikova T. I. Anthroponyms in "Proverbs of the Russian nation" V. I. Dal: the possibilities of the lexicographic description [Antroponimy v "Poslovitsakh russkogo naroda" V. I. Dalya: k vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya]. *Aktual'nye problemy sovremennoy leksikografii. Slovarnaya rabota v shkole i vuze: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Astrakhan'*, 24–26 sent. 1998 g. A. N. Tihonov (scientific. ed.). Astrakhan, Izd-vo Astrakhanskogo ped. universiteta, 1999. P. 115–119.
5. Gukhikh V. M. About the euphony of Proverbs and sayings [O blagovuchii poslovits i pogovorok]. *Russkaya rech'*. 1997. № 2. P. 103–106.
6. Kondrat'eva T. N. *Sobstvennye imena v mesyatseslovakh, poslovitsakh, pogovorkakh, zagadkakh, zagovorakh i skazkakh russkogo naroda* [Proper names of the months, Proverbs, sayings, riddles, conspiracies, and fairy tales of the Russian people]. M. O. Novak (ed.). Kazan, 2004. 340 p.
7. Lazutin S. G. Rhythm, metric and rhyme of the proverb [Ritm, metrika i rifma poslovity]. *Poetika russkogo fol'klora*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. P. 136–147.
8. Ovchinnikova I. G. Associative patterns and the text [Assotsiativnye struktury i tekst]. *Problemy sovremennoy teoreticheskogo i sinkronno-opisatel'nogo yazykoznanija. Vyp. 4: Semantika i kommunikatsiya*. L. V. Saharnyj (ed.). St. Petersburg, SPbGU Publ., 1996. P. 163–177.
9. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' deystvitel'nost' yu (referential'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 232 p.
10. Reformatkiy A. A. Toponomastica as a linguistic fact [Toponomastika kak lingvisticheskiy fakt]. *Toponomastika i transkripsiya*. Moscow, Nauka Publ., 1964. P. 9–34.
11. *Russkie poslovity i pogovorki* [Russian Proverbs and Sayings]. V. Anikin (ed.). Moscow, Khud. Lit. Publ., 1988. 431 p.
12. Superanskaya A. V. Appellative – onomah [Apellyativ – onoma]. *Imya naritsatel'noe i sobstvennoe: Sbornik nauchnykh statey*. A. V. Superanskaya (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1978. P. 5–33.
13. Stepanov Yu. S. *Imena, predikaty, predlozheniya: Semilogicheskaya grammatika* [Names, predicates, sentences: Semiotic grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 360 p.
14. Tverdokhleb O. G. Third labialization sound [e] to [o] in old English: the question of the rhyme of Russian Proverbs [Tret'ya labializatsiya zvuka [e] v [o] v drevnerusskom yazyke: k voprosu o rifmovke russkikh poslovits]. *Avanesovskie chteniya: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. M. L. Remneva & M. V. Shulga (ed.). Moscow, MAKS Press Publ., 2002. P. 258–260.
15. Tverdokhleb O. G. The loss of the final Sonatnogo is reduced due to the decrease of reductions and rhymes in Russian Proverbs [Utrata konechnogo sonornogo -l- vsledstvie padeniya redutsirovannykh i rifmovka russkikh poslovits]. *Yazyk i poetika russkogo fol'klora: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya V. Ya. Proppa*. N. V. Patroeva (ed.). Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2015. P. 106–108.
16. Shtokmar M. P. A poetic form of Russian Proverbs, sayings, riddles, rhymes [Stikhovornaia forma russkikh poslovits, pogovorok, zagadok, pribautok]. *Zvezda Vostoka*. 1965. № 11. P. 149–163.

Поступила в редакцию 17.03.2016